

*Soda
Press*

Antonio G. Iturbe

A cielo abierto

Антонио Итурбе

В открытое небо

Перевела с испанского

Елена Горбова

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
И92

A CIELO ABIERTO
de Antonio Iturbe

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Итурбе, Антонио.
И92 В открытое небо: роман / Антонио Итурбе; пер. с исп. Е. Горбовой. — Москва: Soda Press, Эксмо, 2026. — 704 с.

ISBN 978-5-04-240881-6

Задолго до того как стать писателем, Антуан де Сент-Экзюпери прославился как бесстрашный авиатор. Именно Сент-Экзюпери вместе с французскими летчиками Жаном Мермозом и Анри Гийоме стали первооткрывателями почтовой авиации, полной опасностей и риска. Трое друзей были готовы на все, лишь бы каждое письмо достигло своего адресата. И пока они бороздили небеса, соединяя сердца, на земле им приходилось бороться с миром, раздираемым войнами.

«В открытое небо» — это захватывающий рассказ о дружбе и невероятной преданности делу, а также дань уважения великому писателю Антуану де Сент-Экзюпери, затронувшему миллионы читательских сердец.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Text copyright © Antonio Iturbe, 2017
© Елена Горбова, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026 Soda Press
Jacket design by Rich Deas and Kathleen Breitenfeld
Jacket images © Gorbash Varvara/Shutterstock

ISBN 978-5-04-240881-6

Сусане, летающей вместе со мной

*При рождении этих страниц сквозь реэ моторов
звучала мелодия «Bricklayer's Beautiful Daughter»*

Уильяма Акермана

ГЛАВА 1

Аэродром Ле-Бурже (Париж), 1922 год

Летчик тянет на себя двурогий штурвал, и «Кодрон С. 59» устремляется вверх, прямо к отаре белых облаков, плывущих над Парижем. Биплан дрожит, мотор «Испано-Суиза» ревет. Он планирует в молочно-белом тумане, а потом вновь натягивает железную узду и заставляет самолет влезть на крутую воздушную гору, прямо вверх, к небу. Вибрация фюзеляжа отдается в руках, а от них расплзается по всему телу.

Младший лейтенант Сент-Экзюпери дрожит, опьяненный высотой, и улыбается самодовольной улыбкой безумцев — улыбкой заигравшихся, потерявших всякое ощущение риска и времени детей, что с головой ушли в мир, принадлежащий только им, ведь они сами его создали — для себя и под себя, по своим меркам.

На земле «Кодрон С. 59» не более чем громоздкая семисоткилограммовая деревянная конструкция, нашпигованная винтами и болтами, скрепленная заклепками и уголками. Когда он катится по земле — тяжеленный корпус на велосипедных колесиках, — то в полной мере являет свою патетическую хрупкость: эдакая дылда с толстым брюхом.

А разбегаясь по полосе, так неуверенно покачивается на своих проволочных ножках, что любой камешек, попадись он под колесо, заставит его со страшным грохотом перекувырнуться. Но вдруг происходит чудо чудное, диво дивное: тяжеленный шкаф на колесиках отрывается от поверхности земли, поднимается над линией горизонта, потом еще выше и вдруг становится легким, ловким, даже изящным. И вот он уже смеется над теми, кто доверился его внешности — облику кашалота на мели, застывшего в ангаре.

Тони чувствует родство с самолетом. Он тоже заключен в неуклюжее тело, и это тело двигается неловко, даже как-то грубо. Под стать телу и голова — голова мечтателя и фантазера, плохо приспособленная для решения элементарных вопросов повседневности и практической жизни. То и другое превращает его в растерянного пингвина, спотыкающегося и бесполезно хлопающего крыльями на земле, вдали от моря. Но там, наверху, он совсем другой.

Он становится невесомым.

Летчик кладет штурвал влево, и самолет резко кренится на правое крыло. На лице расцветает улыбка. Сбылась мечта каждого мальчишки: игрушки оказались реальными вещами, а реальность обернулась игрой.

Он выписывает в небе восьмерки. Ему доставляет истинное наслаждение ощущать ту головокружительную вибрацию, что возносит его над серой обыденностью. Чувствовать, что оставил далеко внизу вульгарность казармы, а также офицеров со вздувшимися от постоянного крика венами на шее. Когда на тебя смотрит ни в чем не повинный человек, а ты кричишь на него — то рубишь под корень тонкое деревце. А вот он — не такой: если ему когда и случится повысить голос, то разве какой-нибудь развеселой ночкой, когда переберет бургундского или анисовки и нач-

нет распевать песни — поначалу веселые, а под конец — печальные. Когда же он злится, то погружается в пучину молчания.

*Как глупо вслух произносить,
что ведомо молчанию...*

Самолет качается в воздухе, и Тони тоже качает головой, одобряя мысль Малларме. Он и сам стишки пописывает.

За спиной уже тысяча пируэтов в воздухе, но этого недостаточно. Достаточно не бывает. Жизнь для него всегда была слишком тесным костюмом. Пилот перекрывает подачу топлива, и биплан начинает терять скорость, пока не замирает вовсе. Самолет, остановившись в воздухе, уподобляется куску металла — сила земного притяжения начинает властно тянуть его вниз. Это начало конца самолета: он штопором летит вниз. Леденящее кровь пике сопровождается звучным «О-о-о!» кучки наблюдателей внизу — возгласом, который претендует быть восторженным, но звучит как-то нервно. Через несколько бесконечных секунд Тони, вцепившись в рычаги управления, выравнивает свой «Кодрон С.59» в бреющем полете, столь низком, что машина, как гребешком, прочесывает маковое поле.

Тем воскресным вечером, задумав это цирковое представление в воздухе, он воспользовался отсутствием большей части офицерского состава 34-го полка. Любимой забавой его детства, проведенного в Сен-Морисе-де-Реман, в огромном, изобиловавшем всякими закутками и закоулками замке, было не что иное, как театральные постановки, которые мальчик сочинял и разыгрывал для своих сестер и брата, выступая одновременно и драматургом, пишущим либретто, и неизменно преступающим все мыслимые границы

актером, исполняющим все роли. Родным никогда не удавалось определить, что за ребенок растет у них в семье — бука или паяц. Они так и не смогли понять, который Тони настоящий: тот, кто ненастными вечерами сидит у окна, часами наблюдая за сползающими по стеклу дождевыми каплями, или тот, кто переворачивает вверх дном чердак и вдруг, выкрикивая безумные фразы, выскакивает в костюме корсара или первооткрывателя новых земель, вознамерившись развлечь сестренку и кузенов.

Да он и сам задается этим вопросом. Кто же ты? На людях — рубаха-парень в тунике, расшитой громко звенящими бубенчиками, или же молчальник и отшельник, погруженный в себя, как каждый, кто одинок? Вибрация крыла выводит его из задумчивости. Отвлекаться за штурвалом самолета не следует, но когда ты в воздухе — мысли просто летают. Он осторожно вытягивает шею, чтобы за пару секунд разглядеть кучку друзей, наблюдающих с земли за его акробатическими трюками, но замечает всего лишь булавочные головки.

Там, внизу, Шарль Саллес, Бертран де Соссин и Оливье де Вильморен... Но, выписывая в небе самые безумные пируэты, он делает это ради одного человека, ради того, о ком думает день и ночь.

Ему вспоминается тот день, когда кузен в первый раз привел его в роскошный особняк на улице Ла-Шез, где мадам де Вильморен уже тогда слыла хозяйкой одного из самых элегантных интеллектуальных салонов Парижа.

Мажордом с восковым лицом провел их в гостиную, уставленную стегаными диванами и ореховыми книжными шкафами, где обоим пришлось ждать, пока братья Вильморены закончат наводить марафет, чтобы потом всем вместе отправиться в кафе-мороженое на Елисейских Полях.

И тогда зазвучала музыка. Звуки скрипки — лениво-медленные, смычок едва касается струн, но нота все же звучит, не гаснет. Звуки из-под смычка рождались такими измученными, что зависали в воздухе, и, казалось, в мелодию они не сплетаются, что это лишь эхо мелодии.

Ноты доносились откуда-то сверху, и он, словно в трансе, поднялся на третий этаж. Вторая по коридору дверь была приоткрыта, и он заглянул.

На кровати, застеленной синим атласным покрывалом, полулежа на разноцветных подушках, играла на скрипке девушка, облаченная в лиловую пижаму. Ее подбородок так мягко лежал на подбороднике, что скрипка тоже казалась подушкой. Рядом, на стуле, сидела гувернантка, увенчанная белым чепцом. Она пронзила странного пришельца острым взглядом, но вместо того, чтобы прогнать его немедленно, рукой показала — стой, где стоишь, и жди, а потом приложила палец к губам, требуя тишины.

А он и без ее указаний застыл на месте, как под гипнозом, не сводя взгляда с рыжих волос, зеленых глаз, белых рук. Девушка играла странно — со смесью неохоты и сосредоточенности, вынуждающей ее внимательно смотреть на гриф, по которому играют в прыгалки ее пальчики.

Он вспоминает, с каким жаром молил тогда бога всего прекрасного остановить время, чтобы мелодия эта никогда не кончалась, чтобы она длилась долго, всю жизнь.

Когда музыка умолкла, гувернантка, мадам Петерманн, без излишнего энтузиазма захлопала в ладоши, одновременно выгнув бровь — призыв последовать ее примеру. И он, конечно же, тоже заплодировал, громко и воодушевленно. Аккуратно положив скрипку в футляр, лежавший на покрывале, девушка улыбнулась. И этой улыбке удалось разорвать ход времени. По крайней мере, она остановила его личное

время: все до единого хронометры отпущенного лично ему века обнулились.

— Кажется, нас друг другу еще не представили... — проговорила она, и Тони залился краской, словно ярко-рыжая шевелюра девушки озарила его лицо. И начал заикаться.

— Умоляю простить мое вторжение, мадемуазель. Это все музыка... она заставила меня позабыть о благоразумии...

— Вас зовут?..

— О, конечно же, прошу извинить мою неловкость! Меня зовут Антуан де Сент-Экзюпери. А вы, должно быть, сестра Оливье. Я его приятель, мы вместе учимся в «Академии Боссюэ»*.

— А я Луиза де Вильморен.

— Сожалею, что я так неожиданно вторгся в вашу комнату. Уже ухожу.

— О, не беспокойтесь! Проклятая болезнь в бедрах вынуждает меня соблюдать постельный режим, так что моя комната уже стала салоном, где я принимаю. Я так рада гостям!

Тони так широко распахнул свои выпуклые глаза, что они чуть не выскочили из орбит и едва не покатались по ковру.

— И я смогу вас навестить?

— Можно записаться... — неохотно ответила она. И, увидев отчаяние на лице юноши, с кокетливой улыбкой прибавила: — Или тихонько сюда просочиться, когда я музицирую.

Из глубины дома слышались голоса:

— Сент-Экс! Куда ты, черт возьми, подевался?

— Меня ваш брат зовет, мне пора. Но я вернусь! — Однако едва он произнес эти слова, как его воодушевление тут же сменилось озабоченностью: — Но... вспомните ли

* Имеется в виду парижская Национальная высшая школа изящных искусств. *Здесь и далее прим. перев.*

вы меня, когда мы в следующий раз увидимся? Поймете ли, что это я? Ведь у меня такое подвижное лицо!

Она окинула его взглядом, загадочно улыбаясь, и эта улыбка с равным успехом могла означать как снисходительность, так и презрение.

— Как знать. Память у меня девичья.

— Это не беда! — не замедлил он с ответом. — Я-то точно вас узнаю, мадемуазель де Вильморен. Буду помнить за двоих!

И вот он хохочет над собственной неловкостью в кабине пилота. Нажимает ногой на балансирный рычаг, открывает доступ горючему и штурвалом заставляет самолет прочертить в воздухе зигзаг. Через несколько месяцев после той первой встречи его призвали в армию, и он записался в военно-воздушные силы, стремясь воплотить в жизнь свою давнюю мечту о полетах. После нескольких переводов его направили в Касабланку*, и все это время, нелегкое время обучения и разнообразных лишений, воспоминания о Лулу, о любви, выросшей в разлуке до гигантских размеров, его не покидали.

Возвращение в Париж в связи с переводом в расквартированный в Ле-Бурже 34-й авиационный полк обрадовало его возможностью вернуться в город театров, библиотек и бульваров и вновь увидиться со старыми друзьями... но прежде всего — возможностью вновь войти в тот дом на улице Ла-Шез. Ему было просто необходимо снова увидеть ту девушку, что кладет головку на скрипку и как будто спит наяву.

Он уже не раз просил Андре Вильморена позволить ему нанести Луизе визит, но тот уже по горло сыт одной и той же историей. Сначала его друзья-приятели лепечут что-то пате-

* Город в западной (французской) части Марокко.

тическое, стоя перед его сестрой, а затем каждый занимает свое место в очереди у нее в гостиной, теща себя иллюзорной надеждой вымолить жалкие крохи внимания со стороны той девушки, что позволяет осыпать себя комплиментами, ничуть не заботясь стереть со своего лица презрение, с которым выпроваживает претендентов, утомившись их присутствием.

И вот, уже полностью отчаявшись, однажды утром в четверг, когда Тони сидит в конторе и сочиняет в досужие часы стихи, пред ним предстает рядовой, доставивший адресованную ему записку, где сказано, что мадемуазель де Вильморен его примет. И пока он читает и перечитывает эту бумажку, прыгая на стуле, словно в него вмонтирована пружина, солдатик-салага так и стоит перед ним по стойке смирно, робко ожидая разрешения удалиться.

— Будут ли еще распоряжения, господин лейтенант?

— Естественно...

На лице парня застыло ожидание.

— Приказываю вам любить жизнь!

На следующий день он почти ничего не ест: повозил фасоль по тарелке и оставил. Собирался с запредельным тщанием: надел свой единственный костюм, отглаженный в полковой прачечной в обмен на полпачки сигарет, и старательно уложил чуб, щедро смоченный фиксатором. И, отправившись в дом Вильморенов, вышел с хорошим запасом времени, потому что ему нужны цветы — много цветов, лучших цветов Франции. Ему хотелось стать Хильдебертом, королем из династии Меровингов, разбившим для своей королевы розовый сад в самом центре Парижа. Луиза де Вильморен заслуживает не меньшего.

Так что он напрямик направляется к весьма пафосному цветочному магазину на Рю-Шаррон, неподалеку от собора Парижской Богоматери, — витрина этой лавки отличалась

не меньшим размахом фантазии, чем у какой-нибудь кондитерской, — и требует огромный и разноцветный, тысячи цветов и оттенков, букет. Но стоило продавщице назвать цену заказа, как кровь отхлынула от его лица. Буквально только что, в этом самом месяце, мать погасила его вексель за пальто, купленное в рассрочку прошлой зимой, а от денежного довольствия оставались жалкие крохи, которых ему едва хватит, чтобы дотянуть до конца месяца. Не сумев скрыть свою неловкость, он объявляет продавщице, что передумал. И, выйдя на улицу, горестно вздыхает. Последние двадцать четыре часа он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете и вот снова сделался самым несчастным.

Но на ближайшем углу его посещает счастливая мысль: совсем недалеко, на острове Сите, есть Цветочный рынок. Огромный зимний сад, внешне похожий на железнодорожный вокзал, весь пропитан запахом мхов, наполнен суетой разносчиков разных товаров и солдатиков в увольнении, покупающих цветы модисткам с правого берега Сены.

Оттуда он вышел с букетиком фиалок и улыбкой на лице.

Входную дверь с профессиональной невозмутимостью распахнул перед ним мажордом, облаченный в жилет с золотой окантовкой, и тут же указал рукой в перчатке на маленькую гостиную, где следует ожидать приема. И вот тут-то Тони подстерегает малоприятный сюрприз: там уже ожидают два молодых человека. Очередь из желающих поухаживать за Луизой де Вильморен!

Эти двое, в костюмах в мелкую полоску, являют собой образцы безукоризненно одетых джентльменов. Один держит в руках выкрашенную в золотой цвет глиняную вазочку с экзотическими цветами, а второй обременен огромной коробкой с пирожными, на которой красуется анаграмма «Даллуаю», изысканной кондитерской с улицы Фобур-Сент-

Оноре, где выпекают лучшие в Париже торты и пирожные с взбитыми сливками.

Еще до того, как эти двое могут его увидеть, он прячет за спину букетик фиалок. Только теперь до него доходит, каким вульгарным, каким неподходящим для такой рафинированной девушки, как Луиза де Вильморен, является его подношение. Он кивает в знак приветствия и остается стоять, опершись о косяк. Его не оставляет ощущение, что в этом элегантном доме он как безбилетный пассажир на шикарном круизном лайнере и что вот-вот, с минуту на минуту, все поймут, что он самозванец, и мажордом выставит его за порог.

В общем-то, говоря по правде, его семья принадлежит к древним аристократическим родам Лиона, и детство он провел в небольшом родовом замке с тысячей дверей. Слишком большое количество для скудного отопления. И он всеми фибрами души чувствует, что в своем положении впавшего в нищету графа просто смешно. В душе вскипает ненависть к купленным дешевеньким цветочкам, и он яростно сжимает в кулаке их беззащитные стебельки.

Мажордом провозглашает, что мадемуазель де Вильморен ожидает их в своих покоях, и все трое отправляются в паломничество вверх по лестнице. Тони пропускает тех двоих вперед и, когда на него никто не смотрит, запихивает цветы в карман пиджака и хочет развернуться, желая покинуть дом, пока не поздно, пока еще он не выставил себя на посмешище. Но, обернувшись, обнаруживает, что мажордом со своим бесстрастным ликом сфинкса замыкает процессию, так что он вынужден продолжить путь наверх.

Луиза сидит в постели, опершись спиной об изголовье, с двумя огромными подушками, как бы подлокотниками, по бокам. Квинтэссенция ее красоты заключена в невесо-

мости — есть в ней что-то такое, что возносит ее надо всем окружающим.

Молодой человек в синем костюме, блистая триумфальной улыбкой, подходит вручить ей изобилующий бантами, лентами и цветами вазон. Но она не поднимает руки, не выказывает намерения принять подарок, а роняет скупое «спасибо», что с равным успехом может быть воспринято и как выражение вежливости, и как проявление безразличия. И одновременно кивает мадам Петерманн, которая со скучающим выражением на лице принимает вазон, а затем ставит его на тумбочку рядом с двумя другими вазами с точно такими же цветами. Тогда другой кавалер подходит со своими сладостями, и Луиза точно так же сверкает мгновенно погасшей улыбкой и благодарит. Ни малейшим жестом не выразив желания взять в руки коробку с пышным сиреневым бантом, она взглядом просит гувернантку принять подарок. Луиза опирается на локоть, чтобы разглядеть третьего гостя, который, казалось, прячется за спинами двух первых визитеров.

— Вы там что, в прятки решили сыграть?

Тони слегка краснеет и делает два шага вперед.

— А, так это вы! Граф Сент... Сент... как там дальше?

— Сент-Экзюпери! Удивительно, что вы вспомнили меня спустя столько времени!

Она переводит взгляд на его пустые руки, и, чтобы хоть куда-нибудь их деть, он поспешно засовывает руки в карманы пиджака. И с языка его слетают сбивчивые слова:

— Прошу меня извинить, я намеревался преподнести вам небольшой подарок...

Ощувив острую и неотложную необходимость помочь своей речи руками, он резко вынимает их из карманов, и, вынырнув оттуда, словно гигантские крюки, его пальцы

оказываются в воздухе вместе с фонтаном фиалковых лепестков. Они рассыпаются во все стороны, на мгновение застывая облаком в воздухе, а затем мягко опускаются на покрывало.

Бесстрастное выражение лица Луиза впервые сменяется чем-то иным.

— Вы что, фокусник? — интересуется она.

— Мне очень жаль... — булькает в ответ Тони.

— Не о чем тут жалеть, — заявляет она с тем блеском в зеленых глазах, который делает их еще ярче, — я обожаю фокусников.

— Когда я служил в Касабланке, один сержант в эскадрилье научил меня кое-каким карточным фокусам.

— Так покажите их нам прямо сейчас!

— Но ведь... у меня нет с собой карточной колоды.

— Мадам Петерманн, не могли бы вы принести нам карты?

— Мадемуазель Луиза, вам же прекрасно известно, что в соответствии с распоряжением мадам Вильморен я не могу оставить вас наедине с кавалерами.

Луиза, привыкшая командовать, переводит взгляд на тех двоих, что наблюдают за развитием этого сюжета с неподвижностью каменного гостя.

— А почему бы вам не сходить за месье Дюпоном, мажордомом, и не попросить его принести из гостиной карты для игры в бридж?

Низведенные до уровня секретарей, молодые люди выходят из комнаты, понутив головы, и вскоре возвращаются в сопровождении мажордома с колодой карт на серебряном подносе.

И Тони демонстрирует парочку фокусов и ловкость рук. Сначала он угадал карту, которую она положила в середину колоды, а потом повторил фокус еще раз, с одним из юных